

терпѣнія крестьяне поджигаютъ домъ ненавистнаго управляющаго и его самого бросаютъ въ огонь. Но просвѣщенѣйшій изъ цензоровъ 40-хъ годовъ, Никитенко, передѣлалъ конецъ и совершенно несообразно съ общимъ складомъ характера главнаго героя заставилъ его пристать къ конокрадамъ и потомъ каяться міру, передъ отправленіемъ въ Сибирь. Скомканный и неестественный конецъ повѣсти нисколько, однако, не ослабилъ общаго смысла повѣсти, которая производила потрясающее впечатлѣніе. Историческое значеніе «Антонъ Горемыка», вообще, не меньше, чѣмъ «Записокъ Охотника». Уступая имъ въ художественныхъ достоинствахъ и въ глубинѣ народной психологіи, «Антонъ Горемыка» яснѣе и непосредственнѣе обрисовывалъ ужасы крѣпостнаго права. Если возводить 19-ое февраля къ его литературному генезису, то слезы, пролитыя надъ «Антономъ Горемыкой», занимаютъ въ немъ такое же почетное мѣсто, какъ чувство глубокаго уваженія къ народу, которое читателя «Записокъ Охотника» приводило къ убѣжденію, что народъ достоинъ свободы.

Въ «Деревнѣ» и «Антонъ Горемыка» Г. сразу достигъ кульминаціоннаго пункта своего творчества. Талантъ, по художественнымъ достоинствамъ своимъ, второстепенный, Г. только потому создалъ эти двѣ перворазрядныя по своему историческому значенію вещи, что въ нихъ ему удалось удолить «моменты» и заставить биться, согласно съ собственнымъ сердцемъ, сердца всего что было въ русскомъ обществѣ хорошаго и честнаго. Но стоило пройти «моменту», стоило общественному сознанію вступить въ дальнѣйшій фазисъ своего поступательнаго движенія — и Г., ничуть не утративъ основныхъ свойствъ своего дарованія, уже не могъ идти въ первыхъ рядахъ. Всѣ остальные, многочисленныя произведенія Г. изъ народной жизни написаны съ неослабавшею симпатіею къ народу; но уже не было надобности возбуждать эту симпатію въ читателей. Сѣмена, брошенныя «Антономъ Горемыкой», вззошли пышнымъ цвѣтомъ, и потому «Рыбаки», «Переселенцы» и др. уже мало кого волновали. Слѣдуетъ прибавить, впрочемъ, что и въ чисто художественномъ отношеніи пространные народные романы Г. уступаютъ первымъ его повѣстямъ. Правда, языкъ въ нихъ попрежнему простъ и естествененъ, прекрасныя описанія природы соотвѣтствуютъ дѣйствительности, фабула интересна, но въ общемъ романы растянуты и страдаютъ мелодраматизмомъ и искусственными эффектами. Упреки въ «пейзажнѣ», т. е. въ томъ, что Россійскимъ незамысловатымъ мужикамъ приданы Г. совершенно несвойственныя имъ французско-романтическія качества, въ извѣстной степени справедливы по отношенію къ большому его народнымъ романамъ. Идеализація въ нихъ дѣйствительно не мало.

Внѣ изображенія народной жизни, произведенія Г. не представляютъ собою литературнаго интереса. Его «петербургскія» повѣсти, въ которыхъ обыкновенно фигурируютъ мелкіе франты и люди, неудачно лѣзущіе въ знаніе, его натянуто-юмористическіе очерки и даже описаніе путешествія

— все это, говоря кудреватымъ выраженіемъ Бѣлинскаго, ничего не прибавило къ «тоталитету» извѣстности Г. Нѣкоторое исключеніе составляетъ только позднѣйшая повѣсть Г. «Акробаты благотворительности», гдѣ вѣрно схвачены типичныя черты петербургской карьеристской филантропіи. С. Венеровъ.

Григоровичъ (Иванъ Ивановичъ) — археологъ (1792—1852); учился въ спб. духовной акад., былъ придворнымъ протоіереемъ. Какъ членъ археографической коммисіи (съ 1837 г.), редактировалъ I—IV тт. «Актовъ историческихъ» и 4 тт. «Актовъ, относящихся до исторіи Зап. Россіи». Изъ предпринятаго имъ «Словаря зап.-рус. нарѣчія» появились только первые 10 листовъ въ «Изв. П. отд. наукъ». Напечаталъ, кромѣ того: «Вѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ» (М., 1824); «Историческія свѣдѣнія о жизни св. Митрофана» (СПб., 1832); «Переписка папъ съ русс. государями въ XVI в.» (СПб., 1834). Въ 1862 г. появились его «Соч. духовнаго содержанія» (СПб.). Онъ издалъ «Собр. сочиненій Георгія Конисскаго» (СПб., 1835). Ср. «Очеркъ жизни Г., Ник. Григоровича («Странникъ», 1861, № 6 и отд.). Его переписка съ графомъ Румянцевымъ въ «Чтеніяхъ» (1864, кн. II).

Григоровичъ (Николай Ивановичъ; 1835—1889) — сынъ предыдущаго; учился въ спб. университетѣ; былъ начальникомъ архива и библиотеки св. синода. Его трудами архивъ этотъ приведенъ въ образцовый порядокъ. Г. много трудился надъ изданіемъ постановленій синода, а также надъ «Описаніемъ дѣлъ его архива»; редактировалъ издаваемое синодомъ «Собраніе мѣній и отзывовъ моск. митроп. Филарета по учебнымъ и церковно-государств. вопросамъ»; напечаталъ «Обзоръ православныхъ монастырей въ Россіи со времени введенія штатовъ по духовному вѣдому въ 1862 г.». Его историческое соч.: «Канцлеръ графъ А. И. Безбородко, въ связи съ событіями его времени» (СПб., 1880) было увѣнчано акад. наукъ.

Григоровичъ-Барскій — см. Василій Кіевскій (V, 580).

Григорюха — с. Кіевской губ., Каневского у., при р. Днѣпрѣ, въ 20 вер. отъ у. г. Дворовъ 203, жит. 1478 (1890); црк., школа, 2 постоянныхъ двора, 1 лавка, винокур. заводъ. Берегъ обрывы въ Г., богатые окаменѣлостями, извѣстны въ геологической литературѣ.

Григорюха — с. Подольской губ., Могилевского у., при р. Бронницѣ, въ 8 вер. отъ у. г. Дворовъ 116, жителей 790 (1885); водная мельница. Здѣсь находится одно изъ замѣчательныхъ розсыпныхъ мѣсторожденій *фосфорита*, не разрабатываемое.

Григоровскій (П. Г.) — миссіонеръ среди остоковъ. Братъ св. Гурія вызвало Г. въ Казань и поручило ему переводъ св. Писанія на остяцкій яз., которымъ онъ занимался до 1882 г., когда зап.-сиб. отд. Имп. геогр. общ. командировалъ его въ Васюганскій край. Ум. въ 1884 г. въ Томской губ. Кромѣ переводовъ духовнаго содержанія на остяцкій яз., напечат. «Крестыне-старожилы Нарымскаго края» и «Очерки Нарымскаго края» («Зап. сиб. отд. Имп. геогр. общ.», кн. I и IV).

Григоровы — русскіе дворянскіе роды. Первый изъ нихъ происходитъ отъ выѣхавшаго «изъ Нѣмца» въ Великій Новгородъ въ половинѣ XIV в. Григора, принявшаго православіе съ именемъ Григорья. Сынъ его Захарій имѣлъ прозвище Заря, а внукъ, Иванъ Захаревичъ, былъ новгородскимъ бояриномъ. Сыновья его, Иванъ и Василій, переведены были въ 1495 г. изъ Новгорода на службу въ Коломну и Можайскъ. Потомки Ивана, Даниилъ Ивановичъ, пожалованъ въ 1670 г. грамотою на помѣстья. Его потомство внесено въ VI часть родословной книги Тульской, Орловской и Рязанской губ. (Гербовникъ, IX, 100). Другіе шесть родовъ Г. восходятъ къ XVII в. и внесены въ VI ч. род. книги губерній Рязанской, Владимирской, Тульской и Ярославской. Остальные 18 родовъ Г. позднѣйшаго происхожденія.

Григорьевка — м. на частновладѣльческой землѣ, при рч. Волчей, Александровскаго у., Екатеринославской губ. Дворовъ 804, жит. 5789, церковь, школа, 3 ярмарки. Жители занимаются рыбнымъ промысломъ.

Григорьевъ (Александръ Васильевичъ) — секретарь Имп. русск. географическаго общ., род. въ 1848 г., кандидатъ физ.-мат. фак. спб. унив. (1870); съ 1871 г. преподаватель анатоміи и фізіологіи растеній въ спб. технологическомъ инстит. Въ 1876 г. сопровождалъ проф. Н. П. Вагнера на Бѣлое море. Результаты, добытые при этомъ драгировкахъ, переданы въ спб. унив., наблюденія же надъ физическими явленіями Бѣлаго и Мурманскаго морей напечатаны въ «Извѣстіяхъ Имп. русск. географ. общ.» за 1878 г. Г., между прочимъ, доказалъ, что предположеніе о заходѣ вѣтви Гольфстрема въ Бѣлое море невярно. Въ 1879 г. Г. былъ командированъ отъ географическаго общ. въ экспедицію, снаряженную на средства А. М. Сибирякова, на паровой шхунѣ «Норденшѣльдъ», съ цѣлью обогнуть материкъ Азіи съ юга и придти на помощь барону А. Е. Норденшѣльду, зазимовавшему въ то время, съ пароходомъ «Вега», у береговъ Сибири. У береговъ японскаго о-ва Ессо шхуна сѣла на мель; удалось, однако, спасти собранныя коллекціи, а Г., воспользовавшись вынужденною остановкою въ Японіи, занялся этнографическими изслѣдованіями надъ айнами. Возвратившись въ 1880 г. въ Россію, Г. принесъ въ даръ собранныя коллекціи: зоологическую — имп. академіи наукъ, а этнографическую — географ. общ. Въ томъ же 1880 г. Г. избранъ въ секретари отдѣл. этнографіи географ. общ. Въ слѣдующемъ 1881 г., по случаю международнаго географическаго конгресса въ Венеціи, соединеннаго съ географическою выставкою, Г. былъ назначенъ главнымъ комиссаромъ русскаго отдѣла выставки, который его трудами обязанъ своимъ выдающимся успѣхомъ. Въ 1883 г. Г. избранъ въ секретари общества, которымъ состоитъ и до сихъ поръ. Въ 1886 г. Г. вновь посѣтилъ Соловецкіе о-ва, а въ 1887 г. участвовалъ въ экспедиціи географическаго общества на Новую Землю, гдѣ имъ были собраны естественно-историческія коллекціи, переданныя въ музей академіи наукъ. Въ 1889 г. Г. былъ однимъ изъ деле-

гатовъ общества на географическомъ конгрессѣ въ Парижѣ. Ему принадлежатъ многія замѣтки въ изданіяхъ общества по географіи, преимущественно сѣверныхъ окраинъ Европы и Азіи. Ю. III.

Григорьевъ (Аполлонъ Александровичъ) — одинъ изъ выдающихся русскихъ критиковъ. Род. въ 1822 г. въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ секретаремъ городского магистрата. Получивъ хорошее домашнее воспитаніе, онъ окончилъ московскій университетъ первымъ кандидатомъ юридическаго факультета и тогда же получилъ мѣсто секретаря университетскаго правленія. Не такого, однако, была натура Г., чтобы прочно осѣсть гдѣ бы то ни было. Потерпѣвъ неудачу въ любви, онъ внезапно уѣхалъ въ Петербургъ, пробовалъ устроиться и въ Управѣ Благочинія, и въ Сенатѣ, но, по вполнѣ артистическому отношенію къ службѣ, быстро терялъ ее. Около 1845 г. онъ завязываетъ сношенія съ «Отеч. Зап.», гдѣ помѣщаетъ нѣсколько стихотвореній, и съ «Репертуаромъ и Пантеономъ». Въ послѣднемъ журналѣ онъ написалъ рядъ мало чѣмъ замѣчательныхъ статей во всевозможныхъ литературныхъ родахъ: стихи, критическія статьи, театральные отчеты, переводы и т. д. Въ 1846 году Г. издалъ отдѣльную книжку свои стихотворенія, встрѣченныя критикою не болѣе какъ снисходительно. Впослѣдствіи Г. не много уже писалъ оригинальныхъ стиховъ, но много переводилъ: изъ Шекспира («Сонъ въ лѣтнюю ночь», «Венеціан. купца», «Ромео и Джульетта») изъ Байрона («Паризину», отрывки изъ «Чайльдъ-Гарольда» и др.), Мольера, Делавиня. Образъ жизни Г. за все время пребыванія въ Петербургѣ былъ самый бурный, и злосчастная русская «слабость», притягивая студенческимъ разгуломъ, все болѣе и болѣе его захватывала. Въ 1847 г. онъ переселяется обратно въ Москву, становится учителемъ законодѣнія въ 1-й моск. гимназіи, дѣятельно сотрудничаетъ въ «Моск. Город. Листкѣ» и пробуетъ остепениться. Женитьба на Л. Ф. Коршѣ, сестрѣ извѣстныхъ литераторовъ, не надолго сдѣлала его человекомъ правильнаго образа жизни. Въ 1850 г. Г. устраивается въ «Москвитининъ» и становится во главѣ замѣчательнаго кружка, извѣстнаго подъ именемъ «молодой редакціи Москвитинина». Безъ всякихъ усилій со стороны представителей «старой редакціи» — Погодина и Шевырева, какъ-то самъ собою вокругъ ихъ журнала собрался, по выраженію Г., «молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями» дружескій кружокъ, въ составъ котораго входили: Островскій, Писемскій, Алмазовъ, А. Потѣхинъ, Печерскій-Мельниковъ, Эдельсонъ, Мей, Ник. Бергъ, Горбуновъ и др. Никто изъ нихъ не былъ славянофиломъ правого толка, но всѣхъ ихъ «Москвитининъ» привлекалъ тѣмъ, что здѣсь они могли свободно обосновывать свое общественно-политическое міросозерцаніе на фундаментѣ русской дѣйствительности. Г. былъ главнымъ теоретикомъ кружка и знаменосцемъ его. Въ завязавшей борьбѣ съ петербургскими журналами оружіе противниковъ всего чаще направлялось именно противъ него. Борьба эта Г. велась на принципиальной почвѣ, но ему обыкновенно

отвѣчали на почвѣ насмѣшекъ, какъ потому, что петербургская критика, въ промежутокъ между Вѣлискимъ и Чернышевскимъ, не могла выставить людей способныхъ къ идейному спору, такъ и потому, что Г. своими преувеличеніями и странностями самъ давалъ поводъ къ насмѣшкамъ. Особенныя глумленія вызывали его ни съ чѣмъ несообразные восторги Островскимъ, который былъ для него не простой талантливый писатель, а «глашатай правды новой» и котораго онъ комментировалъ не только статьями, но и стихами, и при томъ очень плохими—напр. «элегіей-одиссатирой»: «Искусство и правда» (1854), вызванною представленіемъ комедіи «Бѣдность не порокъ». Любимъ Торцовъ не на шутку провозглашался здѣсь представителемъ «русской чистой души» и ставился въ укоръ «Европѣ старой» и «Америкѣ беззубо-молодой, собачей старостью большой». Десять лѣтъ спустя самъ Г. съ ужасомъ вспоминалъ о своей выходкѣ и единственное ей оправданіе находилъ въ «искренности чувства». Такого рода безтактныя и крайне вредныя для престижа идеи, имъ защищаемыхъ, выходки Г. были однимъ изъ характерныхъ явленій всей его литературной дѣятельности и одною изъ причинъ малой его популярности. И чѣмъ больше писалъ Г., тѣмъ больше росла его непопулярность. Въ 60-хъ годахъ она достигла своего апогея. Со своими туманнѣйшими и запутаннѣйшими разсужденіями объ «органическомъ» методѣ и разныхъ другихъ абстракціяхъ, онъ до такой степени былъ не ко двору въ эпоху «соблазнительной ясности» задачъ и стремленій, что уже надъ нимъ и смѣяться перестали, перестали даже и читать его. Большой поклонникъ таланта Г. и редакторъ «Времени», Достоевскій, съ негодованіемъ замѣтившій, что статьи Г. прямо не разбираются, дружески предложилъ ему разъ подписаться псевдонимомъ и хоть такимъ контрабанднымъ путемъ привлечь вниманіе къ своимъ статьямъ.

Въ «Москвитиниѣ» Г. писалъ до его прекращенія въ 1856 г., послѣ чего работалъ въ «Русской Бесѣдѣ», «Библиотекѣ для Чтенія», первоначальномъ «Русскомъ Словѣ», гдѣ было нѣкоторое время однимъ изъ трехъ редакторовъ, въ «Русскомъ Мирѣ», «Свѣточѣ», «Сынѣ Отец.» Старчевскаго, «Русск. Вѣстникѣ» Каткова—но устроиться прочно ему нигдѣ не удавалось. Въ 1861 г. возникло «Время» братьевъ Достоевскихъ и Г. какъ будто опять вошелъ въ прочную литературную пристань. Какъ и въ «Москвитиниѣ», здѣсь группировался цѣлый кружокъ писателей «почвенниковъ» — Страховъ, Аверкиевъ, Достоевскіе и др.—связанныхъ между собою какъ общностью симпатій и антипатій, такъ и лично дружбою. Къ Г. они всѣ относились съ искреннимъ уваженіемъ. Скоро, однако, ему почувалось и въ этой средѣ какое-то холодное отношеніе къ его мистическимъ вѣщаніямъ, и онъ въ томъ же году уѣхалъ въ Оренбургъ учителемъ русск. языка и словесности въ кадетскомъ корпусѣ. Не безъ увлеченія взялся Г. за дѣло, но весьма быстро остылъ, и черезъ годъ вернулся въ Петербургъ и снова зажилъ безпорядочно

жизнью литературной богемы, до сидѣнія въ долговой тюрьмѣ включительно. Въ 1863 г. «Время» было запрещено. Г. перекочевалъ въ еженедѣльный «Якорь». Онъ редактировалъ газету и писалъ театральныя рецензіи, неожиданно имѣвшія большой успѣхъ, благодаря необыкновенному одушевленію, которое Г. внесъ въ репортерскую рутину и суть театральныя отмѣтки. Игру актеровъ онъ разбиралъ съ такою же тщательностью и съ такимъ же страстнымъ пафосомъ, съ какимъ относился къ явленіямъ остальныхъ искусствъ. При этомъ онъ, кромѣ тонкого вкуса, проявлялъ и большое знакомство съ нѣмецкими и французскими теоретиками сценическаго искусства.

Въ 1864 г. «Время» воскресло въ формѣ «Эпохи». Г. опять берется за ампулу «перваго критика», но уже не надолго. Запой, перешедшій прямо въ физическій, мучительный недугъ, надломилъ могучій организмъ Г.: 25 сентября 1864 г. онъ умеръ и похороненъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ, рядомъ съ такою же жертвой вина—поэтомъ Меемъ. Разбросанныя по разнымъ и большею частью малочитаемымъ журналамъ статьи Г. были въ 1876 г. собраны Н. Н. Страховымъ въ одинъ томъ. Въ случаѣ успѣха изданія предполагалось выпустить дальнѣйшіе томы, но намѣреніе это до сихъ поръ не осуществлено. Непопулярность Г. въ большой публикѣ, такимъ образомъ, продолжается. Но въ тѣсномъ кругѣ людей, специально интересующихся литературою, значеніе Г. значительно возросло, въ сравненіи съ его загнанностью при жизни.

Дать сколько-нибудь точную формулировку критическихъ взглядовъ Г.—не легко по многимъ причинамъ. Ясность никогда не входила въ составъ критическаго таланта Г.; крайняя запутанность и темнота изложенія не даромъ отпугивали публику отъ статей его. Определенному представленію объ основныхъ чертахъ міровоззрѣнія Г. мѣшаетъ и полная недисциплинированность мысли въ его статьяхъ. Съ тою же безалаберностью, съ которою онъ прожигалъ физическія силы, онъ растрчивалъ свое умственное богатство, не давая себѣ труда составить точный планъ статьи и не имѣя силы воздержаться отъ соблазна поговорить тотчасъ же о вопросахъ, попутно встрѣчающихся. Благодаря тому, что значительнѣйшая часть его статей помѣщена въ «Москвитиниѣ», «Времени» и «Эпохѣ», гдѣ во главѣ дѣла стояли либо онъ самъ, либо его пріятель, эти статьи просто поражаютъ своею нестройностью и небрежностью. Онъ самъ отлично сознавалъ лирической безпорядокъ своихъ писаній, самъ ихъ разъ охарактеризовалъ какъ «статьи халатныя, писанныя на распашку», но это ему нравилось, какъ гарантія полной ихъ «искренности». За всю свою литературную жизнь онъ не собралъ сколько-нибудь определенно высказать свое міровоззрѣніе. Оно было настолько неясно даже ближайшимъ его друзьямъ и почитателямъ, что *послѣдняя* статья его—«Парадоксы органической критики» (1864)—по обыкновенію, неконченная и трактуемая о тысячахъ вещей, кромѣ главнаго предмета,—является отвѣтомъ на приглашеніе Достоевскаго

изложить, наконецъ, критическое profession de foi свое.

Самъ Г. всего чаще и охотнѣе называлъ свою критику «органическою», въ отличіе какъ отъ лагеря «теоретиковъ» — Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, такъ и отъ критики «эстетической», защищающей принципъ «искусства для искусства», и отъ критики «исторической», подъ которой онъ подразумевалъ Бѣлинскаго. Бѣлинскаго Г. ставилъ необыкновенно высоко. Онъ его называлъ «безсмертнымъ борцомъ идей», «съ великимъ и могущественнымъ духомъ», съ «натурою по истинѣ гениальной». Но Бѣлинскій видѣлъ въ искусствѣ только отраженіе жизни и самое понятіе о жизни у него было слишкомъ непосредственно и «голо логично». По Г. «жизни» есть нѣчто таинственное и неисчерпаемое, бездна, поглощающая всякій конечный разумъ, необъятная ширь, въ которой нерѣдко исчезаетъ, какъ волна въ океанѣ, логическій выводъ какой бы то ни было умной головы — нѣчто даже ироническое и вмѣстѣ съ тѣмъ полное любви, производящее изъ себя міры за мірами... Сообразно съ этимъ «органическій» взглядъ признаетъ за свою исходную точку творческія, непосредственныя, природныя, жизненные силы. Иными словами: не одинъ умъ, съ его логическими требованіями и порождаемыми ими теоріями, а умъ *плюсъ* жизнь и ея органическія проявленія. Однако, «змѣнное положеніе: что есть — то разумно» Г. рѣшительно осуждалъ. Мистическое преклоненіе славянофиловъ предъ русскимъ народнымъ духомъ онъ признавалъ «узкимъ» и только Хомякова ставилъ очень высоко, и то потому, что онъ «одинъ изъ славянофиловъ жажду идеала совмѣщалъ удивительнѣйшимъ образомъ съ вѣрою въ безграничность жизни и потому не успокаивался на *идеальчикахъ*» Конст. Аксакова и др. Въ книгѣ Вятк. Гюго о Шекспирѣ Г. видѣлъ одно изъ самыхъ цѣльныхъ формулированій «органической» теоріи, послѣдователями которой онъ считалъ также Ренана, Эмерсона и Карлейля. А «исходная, громадная руда» органической теоріи, по Григорьеву, — «соч. Шеллинга во всѣхъ фазисахъ его развитія». Г. съ гордостью называлъ себя ученикомъ этого «великаго учителя». Изъ преклоненія передъ органической силой жизни въ ея *разнообразныхъ* проявленіяхъ вытекаетъ убѣжденіе Г., что абстрактная, голая истина, въ чистомъ своемъ видѣ, недоступна намъ, что мы можемъ усваивать только истину *цѣтную*, выраженіемъ которой можетъ быть только *національное* искусство. Пушкинъ великъ отнюдь не однимъ размахомъ своего художественнаго таланта: онъ великъ потому, что *претворилъ* въ себѣ цѣлый рядъ иноземныхъ вліяній въ нѣчто вполне самостоятельное. Въ Пушкинѣ въ первый разъ обособилась и ясно обозначилась «наша русская фizioномія, истинная мѣра всѣхъ нашихъ общественныхъ, нравственныхъ и художественныхъ сочувствій, полный очеркъ типа русской души». Съ особенною любовью останавливался, поэтому, Г. на личности Бѣлкина, совѣтъ почти не комментированной Бѣлинскимъ, на «Капитанской дочкѣ» и «Дубров-

скомъ». Съ такою же любовью останавливался онъ на Максимѣ Максимычѣ изъ «Героя нашего времени» и съ особенною ненавистью — на Печоринѣ, какъ одномъ изъ тѣхъ «хищныхъ» типовъ, которые совершенно чужды русскому духу.

Искусство, по самому существу своему, не только національно — оно даже мѣстно. Всякій талантливый писатель есть неизбѣжно «голосъ извѣстной почвы, мѣстности, имѣющей право на свое гражданство, на свой отзывъ и голосъ въ общенародной жизни, какъ типъ, какъ цвѣтъ, какъ отливъ, оттѣнокъ». Сводя такимъ образомъ искусство къ почти безсознательному творчеству, Г. не любилъ даже употреблять слово: вліяніе, какъ нѣчто чрезачуръ абстрактное и мало стихійное, а вводилъ новый терминъ «вѣяніе». Вмѣстѣ съ Тютчевымъ Г. восклицалъ, что природа «не слѣпокъ, не бездушный ликъ», что прямо и непосредственно

Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,

Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Таланты истинные охватываются этими органическими «вѣяніями» и созвучно вторяютъ имъ въ своихъ произведеніяхъ. Но разъ истинно талантливый писатель есть стихійный отзвукъ органическихъ силъ, онъ долженъ непремѣнно отразить какую-нибудь неизбѣжную еще сторону національно-органической жизни даннаго народа, онъ долженъ сказать «новое слово». Каждаго писателя, поэту, Г. разсматривалъ прежде всего по отношенію къ тому, сказалъ ли онъ «новое слово». Самое могущественное «новое слово» въ новѣйшей рус. литературѣ сказалъ Островскій; онъ открылъ новый, неизвѣданный міръ, къ которому отнесся отнюдь не отрицательно, а съ глубокою любовью. Истинное значеніе Г. — въ красотѣ его собственной духовной личности, въ глубокоискреннемъ стремленіи къ безграничному и свѣтлому идеалу. Сильнѣе всѣхъ путанныхъ и туманныхъ разсужденій Г. дѣйствуетъ обаяніе его нравственнаго существа, представляющаго собою истинно-«органическое» проникновеніе лучшими началами высокаго и возвышеннаго. Ср. о немъ «Эпоху» (1864 № 8 и 1865 № 2).

С. Венеровъ.

Григорьевъ (Василій Васильевичъ) — ориенталистъ (1816 — 1881). По происхожденію дворянинъ Владимірской губ., окончилъ курсъ въ свѣ. университетѣ на филологическомъ факультетѣ, по отдѣленію восточныхъ языковъ. Сталъ печататься, еще будучи студентомъ («Исторія монголовъ», 1834). Разладъ съ Сенковскимъ помѣшалъ Г. получить кафедру въ СПб. и вынудилъ его, въ 1838 г., поступить профессоромъ восточныхъ языковъ въ Рижскій лицей. Помѣстилъ въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей нѣсколько статей, изъ которыхъ выдается по методу изслѣдованія и по выводамъ: «О куфическихъ монетахъ VIII, IX, X и отчасти VII и XI в., находящихся въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ, какъ источникъ для древнѣйшей отечественной исторіи». Статья эта стоитъ въ нумизматической литературѣ совершенно особнякомъ и понынѣ не утратила своего значенія. Статьи Г. по Востоку печатались и въ другихъ мѣстныхъ изданіяхъ,

особенно въ «Одесскомъ Альманахѣ» и «Новороссійскомъ Календарѣ». Въ 1842 г. Г. написалъ диссертацию: «О достоѣнности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству». Вообще Г. выбиралъ такіа восточныя темы, которыя имѣли близкое отношеніе къ нашей исторіи. Въ 1844 г. Г. переселился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ. Помогая Надеждину редактировать «Журн. Министерства Внутр. Дѣлъ» и помѣщая тамъ статьи самаго разнообразнаго содержанія, Г. очень много работалъ въ обществахъ географическомъ и археологическомъ. Въ компаніи съ В. В. Дерикеромъ, онъ приобрѣлъ въ Дершау журналъ «Финскій Вѣстникъ», который, переименованный въ «Сѣверное Обозрѣніе», скоро прекратился. Въ 1851 г. Г. перешелъ въ Оренбургскій край и вскорѣ получилъ должность начальника пограничной экспедиціи, гдѣ, сосредоточивался дѣла по сношенію съ ханствами и управленіе киргизами. Это дало ему возможность написать нѣсколько статей, посвященныхъ Туркестанскому краю; изъ нихъ выдающееся значеніе имѣетъ: «О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Кокандѣ и Кашгарѣ: записки мирзы Шемса Бухари», гдѣ сообщены интересныя историческія свѣдѣнія и впервые данъ образчикъ таджикскаго нарѣчія. Сильное негодованіе въ литературномъ мірѣ вызвала статья Г. о Грановскомъ: «Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ» («Русская Вѣзда», 1856). Нападки, посыпавшіяся на Г. за эту статью—особенно со стороны Кавелина,—вынудили его на дополнительные разъясненія высказанныхъ взглядовъ, въ двухъ статьяхъ: «О значеніи народности» и «О воспитаніи въ духѣ народности» («Молва», 1857). Въ другихъ публицистическихъ статьяхъ Г. старался выяснитъ наши задачи и интересы въ Средней Азій, а также способы воздѣйствія на нее. Въ Англіи, особенно чуткой къ нашимъ дѣйствіямъ въ Туркестанѣ, статьи Г. производили большое впечатлѣніе. Нѣкоторыя изъ нихъ были переведены Скайлеромъ на англійскій языкъ.

Въ 1862 г. Г. оставилъ службу въ Оренбургскомъ краѣ, а въ слѣдующемъ занялъ кафедру исторіи Востока въ спб. унив., который предварительно возвелъ его въ степень доктора восточной словесности *honoris causa*. Къ этому періоду относятся капитальныя работы его: «Кабулистанъ и Кафристанъ» (1867) и «Восточный Туркестанъ» (1869 и 1873), а также монографія «О скинскомъ народѣ сакахъ» (1871). Въ 1869 и 1870 гг. Г. состоялъ главнымъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника». Въ 1874 г. онъ, послѣ Лонгинова, занялъ постъ начальника Главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ то же время онъ трудился надъ устройствомъ 3-го международнаго съѣзда ориенталистовъ, который состоялся въ Петербургѣ въ 1876 г. и для котораго Г. издалъ сборникъ своихъ первыхъ статей, подъ заглавіемъ: «Россія и Азія». Въ 1878 г. Г. оставилъ университетъ, а въ 1880 году вышелъ въ отставку. Въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» за 1881 г. напечатанъ его превосходный трудъ: «О походахъ Александра Ве-

ликаго въ Западный Туркестанъ». Какъ публицистъ, Г. близко стоялъ къ ученію славянофиловъ; какъ ученый, онъ обнаружилъ глубокое знаніе исторіи Востока, изученіе котораго, особенно среднеазиатскаго, далеко продвинуто имъ впередъ. Въ трудахъ своихъ онъ всегда давалъ новое освѣщеніе затронутыхъ вопросовъ. Біографическія свѣдѣнія и перечень статей Г. см. въ изданіи археолог. общества: «Василій Васильевичъ Григорьевъ, по его письмамъ и трудамъ». Составилъ Н. И. Веселовскій. СПб., 1887 г. *Н. Веселовскій.*

Григорьевъ I (Петръ Ивановичъ)—актеръ и плодovitый водевилъ (1806—1871); окончилъ курсъ въ спб. театральномъ училищѣ, былъ въ немъ впоследствии преподавателемъ драматическаго искусства. Прослужилъ на спб. александринской сценѣ около 50-ти лѣтъ. Не будучи первостепеннымъ артистомъ, Г. съ успѣхомъ появлялся въ роляхъ весьма разнообразныхъ. Лучшие всего Г. удавались роли простыхъ русскихъ людей, въ особенности солдатъ. Его песни, числомъ около 70-ти (большинство—водевили), въ пору господства водевиля на русской сценѣ имѣли шумный успѣхъ, въ особенности «Андрей Степановичъ Бука» (1847), «Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ» (1840), «Комедія съ ядущою» (1841), «Дочь русскаго актера» (1844), до сихъ поръ удержавшіяся въ репертуарѣ. «Театръ П. И. Г.» изданъ Вольфомъ (СПб., 1869—72), но въ это изданіе вошли далеко не всѣ пьесы Г. *Ум.*

Григорьевъ II (Петръ Григорьевичъ)—актеръ спб. александринской сцены и водевилъ, воспитанникъ спб. театрального училища. Умеръ въ 1854 г. Прекрасно исполнялъ роли мужиковъ и особенно купцовъ (многія поговорки и прибаутки Г. получили широкое распространеніе среди купцовъ). Извѣстность его началась съ Каратыгинскаго водевиля «Ложа 1-го яруса на послѣдній дебютъ Талыони»; играя въ немъ выходную роль купца, Г. часто вставлялъ свои импровизаціи, съ личнаго разрѣшенія имп. Николая Павловича. Всего больше успѣха имѣли его водевили и фарсы: «Филатка и Мироска соперники» (СПб., 1833, выдержалъ много изд.; на сценѣ съ 1831 г.; въ немъ дебютировалъ Мартыновъ). «Провинціальный актеръ» (1836), «Купеческая полька» (1845), «Хорошъ Петербургъ, да друзья одотѣли» (1847), «Дружеская лотерея» (1844). Большинство его пьесъ (всѣхъ около 30) сохранилось въ литографіяхъ и только меньшая ихъ часть напечатана. *Ум.*

Григъ (Edward Grieg)—извѣстный норвежскій композиторъ, род. въ 1843 г.; учился въ лейпцигской консерваторіи. Написалъ концерты для фортепіано, сонаты для фортепіано и скрипки, баллады, *Lieder* для альта, увертюры, симфоніи, музыку къ драматической поэмѣ Ибсена «Peer Gynt». Нѣкоторые отдѣльные номера этой музыки пользуются большимъ успѣхомъ. *Н. С.*

Гридино (Красная тожь)—с. Тамбовской губ., Елатомскаго у. Жит. 2107; школа, богадельня, летнярный заводъ.

Гридница—см. Гридь.